

Наталья Сухова

(Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

УЧАСТИЕ ПРОФЕССОРОВ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОБЛЕМ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917–1918 гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации)

Данная статья посвящена одной из недостаточно изученных страниц из истории дореволюционной Киевской духовной академии – участию ее профессоров в обсуждении проблем духовного образования на Поместном Соборе 1917–1918 гг. За последние годы современными Киево-Могилянской академией и Киевской духовной академией сделано немало для изучения своей истории. Однако страница, связанная с Поместным Собором 1917–1918 гг., таит еще много неизвестного, так как сам Собор – событие уникальное, важное, но неоднозначно оцениваемое – еще требует тщательного изучения, несмотря на значительное количество посвященных ему исследований как в России¹, так и за ее пределами². В наши дни предоставляется уникальная возможность для подробного исследования и осмысления как самого Собора как церковно-исторического явления, так и конкретных вопросов, связанных с его работой, пересмотра мнений и снятия «штампов». В связи с приближающимся

¹ Цыпин В., прот. Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов // Богословский вестник. – Сергиев Посад, 1993, – № 1. – С. 102–224; Смолич И. К. Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 г. и Поместный Собор 1917–1918 гг. // История Русской Церкви. Кн. VIII, 2. – М., 1997; Дестивель И., свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов и принцип соборности. – М., 2008 и др.

² Jockwig F. Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917–18. Werden und Verwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. – Würzburg, 1971; Каннингем Д. В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала века / Пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London, 1990; Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917–18 – ein unbekanntes Reformpotential – Göttingen, 1995; Richter T. C. Thematischer Überblick über Arbeit und Beschlüsse des Landeskonzils // Bolschewistische Herrschaft und Orthodoxe Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918. Quellen und Analysen. – Münster, 2005 и др.

столетним юбилеем Собора начато осуществление грандиозного проекта – публикации всех материалов Собора: не только протоколов пленарных заседаний, которые были изданы уже дважды¹, но и документов соборных отделов, хранящихся в ГА РФ и отчасти в РГИА².

Вопросы духовного образования на Поместном Соборе нельзя рассматривать в отрыве от всего «реформационного движения» начала XX в., поэтому основную часть статьи необходимо предварить двумя вводными экскурсами: краткой предысторией Поместного Собора, заточенной на проблемы духовного образования, и некоторыми фактологическими сведениями об участии в Соборе киевлян.

Поместный Собор 1917–1918 гг. – или, как он назывался при его проведении, Священный Собор Православной Российской Церкви³ – был венцом двухсотлетней синодальной эпохи: и ее завершением, и результатом двухвековой работы богословской мысли. Хотя вопрос о необходимости Собора поднимался еще в 1860-х гг., непосредственная его подготовка началась лишь в 1905 г. и, как оказалось, затянулась на 11 лет. «Финишной прямой» этой подготовки стали весна и лето 1917 г. Что же происходило в это время в духовном образовании?

Сложной ситуации 1905–1906 гг. в духовной школе и КДА, в частности, посвящен целый комплекс статей⁴, поэтому упомянем лишь о событиях, имевших продолжение в 1917–1918 гг. – то есть, составлении и обсуждении духовно-учебных проектов. В этих проектах и дискуссиях доминировали две основных темы, тесно связанных между собой: свобода духовной школы и поиск новых моделей богословского образования. Каждая из них имела в свою очередь несколько аспектов, причудливым

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деянія: В 11 кн. – М.: Издание Соборного Совета, 1918; Деянія Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 11 т. – Репр. М.: ГА РФ: Новоспасский монастырь, 1994–2000.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. Р–3431; РГИА. – Ф. 833.

³ Собор в период подготовки именовался «Поместным Всероссийским Церковным Собором», в начале первой сессии Соборный Совет установил название «Священный Собор Православной Российской Церкви».

⁴ *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в. – полемика, анализ, синтез // *Она же.* Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 99–142; *Она же.* Проблемы научной аттестации в православных духовных академиях (по материалам 1905–1906 г.) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* – 2010. – Т. 9, № 1. – С. 128–133; *Ткачук М. А.* Трансформационные процессы в духовной школе начала XX века: опыт Киевской духовной академии // *Труды КДА.* – 2011. – № 14. – С. 111–121; *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в. (на примере Киевской духовной академии) // *Труды КДА.* – 2011. – № 15. – С. 141–155; *Емельянов Н., прот.* Богословие в системе научного знания (по материалам дискуссии о высшем духовном образовании в 1905–1906 гг.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* – М., 2012. – С. 7–19 и др.

образом переплетавшихся друг с другом. Так, чаемая свобода выражалась и в борьбе части профессоров за «автономию»; и в дискуссиях о соотношении свободы научно-богословского исследования и церковной власти, утверждавшей ученых-богословов в академических степенях; и в размышлениях об особенностях богословия как науки и соответствующих требованиях к личности богослова-исследователя. Неодназначен был и поиск новых учебно-богословских моделей: поиски наиболее адекватной корректировки учебных планов духовных академий и семинарий сменялись радикальными предложениями отказаться от самого принципа конфессиональной школы, как противоречащего научной свободе, а следовательно, и задачам духовной школы ¹.

В результате архиерейской ревизии духовных академий 1908 г. принципы «автономии», введенные в 1905 г., были отменены, а в 1909–1911 гг. была проведена новая реформа духовных академий, вызвавшая множество жестких дискуссий и признанная большинством духовно-академического сообщества самой неудачной за всю историю духовных академий ². Эта новая реформа не только противоречила, причем самым жестким и неудачным образом, принятым в 1905–1906 гг. принципам «автономии», но и в учебном отношении представляла неловкую эклектику разных концепций предшествовавших лет. Результатом были, с одной стороны, так и не умиротворившаяся обстановка в духовных академиях и семинариях, затяжное противостояние «кадетов» и «церковников» (по взаимному именованию); с другой стороны, хроническая неудовлетворенность действующими Уставами, учебными планами, если и не парализующая деятельность духовных школ, то изрядно подрывающая творческие инициативы. Разумеется, катализатором служила и общая ситуация в стране: понимание неизбежных преобразований всех сторон жизни, в том числе церковной, вопреки всем попыткам предотвратить эти изменения.

¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 4 т. – СПб., 1906. Переизд.: В 2 ч. – М., 2004; Свод проектов Устава Православной Духовной академии, составленный комиссией профессоров СПбДА, КДА, МДА, и КазДА. – СПб., 1906; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: В 4 т. – Т. 2, 4. – СПб., 1906–1907.

² Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий. – СПб., 1909; Журналы образованной при Святейшем Синоде особой Комиссии для выработки проектов Уставов и штатов духовных средне-учебных заведений и соответствующих изменений в Академическом Уставе. – СПб., 1911; Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. – Т. 30, отд. 1. – СПб., 1913. – С. 414–431 (№ 33274); Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава духовных академий // Там же. – Т. 31, отд. 1. – СПб., 1914. – С. 868–870 (№ 35704); Высочайше утвержденные 26 августа 1911 г. изменения в Уставе православных духовных академий // Там же. – Т. 31, отд. 1. – СПб., 1914. – С. 961–966 (№ 35802).

После известных событий февраля 1917 г. 22 марта по предложению нового обер-прокурора В. Н. Львова¹ Учебный комитет при Святейшем Синоде выработал Временные правила жизни духовных академий, направленные на согласование «существующего порядка академического управления с современными задачами Православной Церкви и богословской науки»². Они были очень похожи на таковые же правила 1905 г., и их «временность» подразумевала скорую замену стабильным новым Уставом. Поэтому в КДА началась подготовка предложений для этого Устава. Комиссию для их выработки составили активные профессора либерального направления, вполне одобрявшие инициативы нового обер-прокурора: Петр Павлович Кудрявцев, Владимир Зенонович Завитневич и недавно восстановленный в корпорации Василий Ильич Экземплярский³.

С конца апреля 1917 г. события начали разворачиваться с необычайной быстротой. 26 апреля председатель Учебного комитета архиепископ Сергей (Страгородский) был освобожден от своего поста в связи с возложением на него руководства синодальным Миссионерским советом, и новым председателем Учебного комитета стал протоиерей Константин Маркович Аггеев – выпускник КДА (1893), один из активных участников петроградского «Братства церковного обновления»⁴. Он сразу же

¹ Львов Владимир Николаевич (1872–1930) – обер-прокурор Святейшего Синода 02.03–24.07.1917.

² РГИА. – Ф. 802. – Оп. 11 (1917 г.). – Д. 78. – Л. 3–6, 8. Временные правила 1905–1906 гг. основывались на наборе положений, в совокупности называемом в те годы «автономией»: поставление академий в непосредственное ведение Св. Синода (без посредства Учебного комитета); сведение власти епархиального архиерея над академией к почетному покровительству; введение в состав академического Совета всех или почти всех преподавателей; выборность ректора и инспектора; расширение прав академического Совета – в частности, на окончательное присуждение всех ученых степеней. В те годы Временные правила «не дали ожидавшихся от них благих результатов», и потому были отменены определением Святейшего Синода от 3 февраля 1909 г. В правилах 1917 г. новыми по сравнению с 1905 г. было два положения: отмена требования действующего Устава о вхождении в состав академического Совета не менее половины всех членов в священном сане и выборность Советом редакторов издаваемых при академиях журналов (Определение Св. Синода за № 2880 от 5–6 мая 1917 г.).

³ *Кривошеева Н. А., Мраморнов А. И.* Подготовка Всероссийского Церковного Собора в апреле – середине августа 1917 года и документы о предсоборных трудах // *Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 года. Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведение Собора. Кн. 1. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2012. – С. 8.*

⁴ Аггеев Константин Маркович (1868–1921), протоиерей – выпускник Тульской ДС (1888) и КДА (1893); с 1903 г. преподаватель Александровского института, Ларинской гимназии, Высших женских курсов в Петербурге; один из активных участников «Братства церковного обновления» и Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества. С апреля 1917 г. председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде; член Предсоборного Совета и Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Расстрелян после занятия Крыма Красной армией.

постарался активизировать подготовку духовно-учебных реформ, и вскоре в Петрограде было создано две особых комиссии: Учебная, для составления проектов преобразования духовных семинарий, училищ и женских епархиальных училищ, и Академическая, для выработки проекта Устава духовных академий¹. Заметим, что если первая комиссия собиралась при Учебном комитете, то в Академической комиссии участвовало лишь 12 выборных представителей академических корпораций: принятые Временные правила ограждали академии от опеки Учебного комитета. От КДА в состав этой комиссии вошли Петр Павлович Кудрявцев, Василий Дмитриевич Попов и Сергей Леонтьевич Епифанович². Академическая комиссия, начав работу 9 мая, закончила ее к 5 июня, выработав два проекта: Временного устава и Нормального устава, рассчитанного на стабильную обстановку. Временный устав был утвержден Святейшим Синодом 21 июля того же 1917 г.; проект же Нормального Устава, являвшийся выражением новой концепции высшего богословского образования, должен был обсуждаться на предстоящем Поместном Соборе.

С 12 июня по 31 июля того же 1917 г. в Петрограде проходила работа последнего предсоборного органа – Предсоборного Совета, Десятый отдел которого занимался вопросами духовного образования. Однако, как свидетельствуют документы, этот отдел работал довольно вяло в связи с тем, что его функции уже были исполнены выше указанными специализированными комиссиями. При этом он занимался только редакционной правкой проектов средних и низших духовно-учебных заведений, академические же были переданы непосредственно в Собор³.

Священный Собор Православной Российской Церкви открылся в Москве 15 (28) августа 1917 г., в день Успения Пресвятой Богородицы. Согласно «Положению о созыве Поместного Собора», каждая из духовных академий должна была избрать на него трех членов⁴. От КДА таковыми стали Владимир Петрович Рыбинский, Василий Дмитриевич Попов и священник Василий Дмитриевич Прилуцкий. Кроме того, четыре члена

¹ Результаты работы Учебной комиссии (май–июль 1917 г.) в виде составленных проектов уставов и штатов духовно-учебных заведений были опубликованы: О реформе духовно-учебных заведений. – Пг., 1917. Кроме того, материалы обеих комиссий 1917 года – Академической и Учебной – сохранились в архивах: ГАРФ. – Ф. 550. – Оп. 1. – Д. 181. Протоколы Академической комиссии: РГИА. – Ф. 797. – Оп. 86. – Д. 91; а также: ОР РГБ. – Ф. 173/II. – Д. 223.

² От остальных академий в состав комиссии входили: от ПгДА – И. П. Соколов, Н. И. Сагарда, В. А. Беяев; от МДА – М. М. Тареев, И. В. Попов, Н. А. Туницкий; от КазДА – П. П. Пономарев, К. Г. Григорьев, П. Д. Лапин.

³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 года. Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведение Собора. Кн. 2. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2012. – С. 961–974, 1092–1176.

⁴ Там же. – С. 1186.

киевской корпорации стали членами Собора в силу участия в Предсоборном Совете: Петр Павлович Кудрявцев, Владимир Зенонович Завитневич, Федор Иванович Мищенко и Михаил Николаевич Скабалланович, – правда, последний в работе Собора реально не участвовал. Василий Ильич Экземплярский, хотя и вызывался Синодом в Предсоборный Совет, но по болезни ни в нем, ни в самом Соборе участия не принял ¹.

Следует отметить, что в широком смысле слова участие КДА в работе Собора не ограничивалось этими шестью лицами, ибо в его состав были включены еще около 40 выпускников КДА: 21 архиерей, 1 архимандрит, 5 протоиереев (один из них – японец Симеон Мии – оказался в составе Собора как заместитель епископа Японского Сергия (Тихомирова)) и более 10 мирян по избранию от епархий. Некоторые из этих лиц какое-то время были и членами преподавательской корпорации КДА, а на момент начала Собора – почетными членами Академии: например, митрополит Платон (Рождественский), епископ Анатолий (Грисюк). Важное значение имело участие в Соборе выпускника КДА протоиерея Константина Агтева, председателя Учебного комитета. Но, разумеется, основное внимание в статье будет сосредоточено на участии в соборных заседаниях профессоров КДА. Оно ограничилось 1-й сессией (осень 1917 г.); во 2-й и 3-й сессиях киевляне не участвовали, и на пленарном заседании от 19 июля (1 августа) 1918 г. было объявлено о признании их выбывшими из состава Собора ². Хотя выпускники Академии продолжали участие в соборной работе – особой активностью отличались митрополит Арсений (Стадницкий), епископ Анатолий (Грисюк) и протоиерей Константин Агтеев, – основное внимание в статье будет обращено именно на 1-ю сессию Собора.

В составе Собора было учреждено два отдела, связанных с духовным образованием: Отдел о духовных академиях (или Академический отдел) и Отдел о духовно-учебных заведениях. Это определяет двухчастную структуру основной части статьи.

1. Соборные отделы формировались по записи всех желающих членов Собора. Разумеется, все представители КДА записались в Отдел о духовных академиях, однако некоторые из них были заняты и в других отделах, профильных их академической специализации. Так, для иерея Василия Прилуцкого основным был Отдел о богослужении, где он был заместителем председателя и одним из основных докладчиков; для Ф. И. Мищенко – Отдел о правовом положении Церкви в государстве, хотя, конечно, и в заседаниях Академического отдела они тоже участвовали. Наиболее активными членами Академического отдела из киевлян

¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 года. – Т. 1. – Кн. 1. – М., 2012. – С. 178–179.

² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 11 т. – Т. 10. – М., 2000. – С. 4.

были Владимир Петрович Рыбинский, избранный одним из двух заместителей председателя Отдела (вместе с профессором МДА И. В. Поповым), и не пропустивший на этой сессии ни одного заседания Василий Дмитриевич Попов, избранный одним из трех секретарей Отдела, а также профессора В. З. Завитневич и П. П. Кудрявцев.

Главной задачей Отдела о духовных академиях было рассмотрение проекта Нормального устава и объяснительной записки к нему, составленных Академической комиссией в мае – июне 1917 г. Было решено обсуждать эти документы постатейно, выделяя при этом основные принципы новой концепции высшего богословского образования, которые предполагалось представить на общее обсуждение Собора¹. Этот процесс в основном был завершён к концу 1-й сессии, и концепция из 8 основных положений была представлена Собору в начале 2-й сессии, после рождественских каникул². Она была скорректирована с учетом новых реалий – восстановленного Патриаршества, но, несмотря на коррективы, протоколы Отдела дают возможность выявить мнение профессоров КДА по ключевым вопросам.

Первым концентром дискуссий 1-й сессии стал вопрос о предназначении духовных академий, подразумевавший и выбор модели высшей богословской школы: сохранение конфессиональных духовных школ или замена их университетскими богословскими факультетами. Острота этого вопроса была обусловлена его горячим обсуждением в предшествующий период, одним из «пиков» которого стало Предсоборное Присутствие 1906 г. На заседаниях Пятого отдела этого Присутствия профессором богословия Киевского университета св. Владимира протоиереем Павлом Светловым был выдвинут жесткий тезис: духовные академии, как школы конфессиональные, не способны полноценно развивать богословскую науку и осуществлять подготовку научно-богословских кадров, успешно решать эти задачи могут лишь богословские факультеты при университетах³. Однако в проекте Объяснительной записки, составленной комиссией профессоров весной 1917 г., твердо заявлялось: с одной стороны, главной задачей духовных академий должно быть именно развитие науки; с другой стороны, главная цель этого развития – служение Православной Церкви – не позволяет отказаться от конфессиональной модели в пользу университетских факультетов. Основная полемика в соборном Отделе развернулась вокруг соотношения пастырско-воспита-

¹ ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 1–2.

² Текст доклада Отдела о духовных академиях «Об основных началах преобразования духовных академий» см.: ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 1–5 (рук.), 6–7 об., 8–9 об., 10–11 об., 12–13 об. (четыре экз. печ.). Или: текст предисловия, составленного И. В. Поповым: Там же. – Д. 380. – Л. 35–36. Текст «Основных положений»: Там же. – Д. 381. – Л. 46–47.

³ Журналы Предсоборного Присутствия. Т. 4. – С. 53, 58–61.

тельной и научно-богословской задач духовных академий. От киевлян в дискуссии участвовали профессора П. П. Кудрявцев, В. З. Завитневич и В. П. Рыбинский, их главным оппонентом выступал преосвященный Антоний (Храповицкий). Эта оппозиция оживила старое противостояние после печально известной ревизии КДА 1908 г.¹, но в заседаниях соборного Отдела дискуссия также имела очень высокий накал.

Преосвященный Антоний выступал сторонником усиления воспитательной функции академий и архиерейской власти над ними, зафиксированных в Уставе 1911 г. Соглашаясь с тем, что начиная с 1860-х гг. духовные академии не всегда пользовались благожелательным вниманием архиереев, он видел в этом вину самих академий: направление развиваемой в них науки приняло порочный оборот, приведший к расцерковлению и безжизненности богословской науки, в результате чего она не могла защитить Церковь от нападков со стороны (Л. Н. Толстого и др.). Таким образом, с точки зрения преосвященного Антония, «бодаящаяся» академическая наука не могла найти ни меценатов в лице архиереев, ни сочувствия в кругах религиозно настроенной интеллигенции – последняя бежала от академических профессоров к старцам в пустыню. Конечно, преосвященный Антоний видел в этой ситуации и определенную вину правительства, боявшегося, начиная с царствования Александра II, сильных и талантливых архиереев и назначавшего на кафедры «людей бесцветных», не способных своевременно реагировать на изменения духовно-академической науки и сохранять ее под своим началом².

Однако киевские профессора – при сочувствии коллег из других академий – настаивали на том, что академии не переставали усиленно и благоговейно решать свою единственную непосредственную задачу – служение Церкви богословской наукой. Это подтвердила деятельность самого Собора: «без научной артиллерии, какую выдвигают академические профессора, Собор не мог бы вести своего дела». Но для плодотворного развития науки нужно главное – свобода, ну и, разумеется, увеличение ассигнований на академические библиотеки и издания. Предшествующий же академический Устав 1910 г., напротив, противоречил научному принципу: так, при формировании академического Совета, а, следовательно, и возведении членов корпорации в профессорское достоинство он ставил во внимание духовный сан, а не научные достоинства; его формальные воспитательные установления имели результатом не благоговейное отношение учащихся и учащихся к Церкви, а противоположные результаты. Православная богословская наука неизбежно подразумевает ее церковность, но живая вера учащихся и учащихся не может определяться уставным

¹ См.: Антоний (Храповицкий), архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии; Правда о Киевской духовной академии.

² ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 8 об. – 9 об.

образом, а лишь «связью с приходом, монастырем, семьей». Для самих профессоров ценность науки для Церкви и необходимость ее свободного развития были очевидны, главную же задачу Отдела они видели в убеждении в этом епископата, которому «принадлежит последнее слово на Соборе»¹. Дискуссия, хотя и не убедила преосвященного Антония, утвердила в составляемой концепции главную задачу академий – «служение православной Церкви разработкой и преподаванием богословской науки в связи с сопряженными отраслями знаний»².

Вторым концентром дискуссий 1-й сессии в Отделе о духовных академиях стали вопросы, связанные с внутриакадемическими отношениями: ролью ректора и академического Совета, статусом молодых преподавателей, исполняющих должность доцента, образом жизни студентов. Эти вопросы также имели глубокие корни в академической истории и определяли поле напряжения между максимально демократическими положениями Устава 1869 г., усугубленными Временными правилами 1905 и 1917 г., и попытками церковной власти конца XIX – начала XX в. усилить личную ответственность и власть ректора и умалить права академических Советов.

Если вопрос выборности ректора был решен Отделом единогласно, то остальные вопросы оценивались далеко не однозначно. Некоторые члены Отдела настаивали на том, что само восстановление Патриаршества свидетельствует о церковном предпочтении единоличного начала пред коллегиальным и невозможности коллегиальной ответственности как таковой³. Однако киевские профессора – наиболее активно В. П. Рыбинский, В. Д. Попов и Ф. И. Мищенко – твердо стояли на максимальном расширении состава и прав Совета, ответственность которого определяется прежде всего нравственным принципом – работы «не за страх, а за совесть»⁴. Этот принцип и должен сплотить академию вокруг ректора, чей авторитет также определяется нравственным принципом, а не усилением уставной власти. Не видели профессора КДА и особой необходимости в усилении уставных мер прещения против студентов: их настрой, как и деятельность преподавателей, должны определяться принципом служения Церкви. В этом могут оказать большую помощь ректор и правящий архиерей, но не властными полномочиями, а мудрым пастырским руководством, которое вполне осуществимо в оговоренном статусе архиерея как «почетного покровителя» академии.

¹ ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 8 об. – 9 об.

² См.: Антоний (Храповицкий), архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской духовной академии; Правда о Киевской духовной академии.

³ Мнение профессоров КазДА И. М. Покровского и МДА протоиерея Димитрия Рождественского (ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 28 об. – 29).

⁴ Там же. – Л. 29–29 об.

В результате всех этих дискуссий концепция нового Устава в своих основных положениях определилась правилами автономии, зафиксированными во Временных правилах. Но вряд ли следует видеть в этом преимущественно бунтарские настроения революционных лет с их политическими «свободами», захватившими и профессоров духовной академии. Разумеется, контекст в определенном смысле служил катализатором для формулировки требуемых академических «свобод», и вырывать все происходящее из исторического контекста ни в коем случае нельзя. Однако даже поверхностный взгляд позволяет рассмотреть в составленной концепции базовые черты модели «исследовательского университета», с ее тремя главными принципами: неразрывная связь образования и научного исследования (нем. *Bildung durch Wissenschaft*), свобода преподавания (нем. *Lehrfreiheit*) и свобода обучения (нем. *Lernfreiheit*). Включенная, хотя и не совсем полноценно, в российское духовно-академическое пространство в 1869 г., эта модель оказалась слишком нова, неожиданна, плохо адаптирована – и в результате была отвергнута. Но последующие поколения вновь обратили к ней свои взоры, сочтя возможной и даже полезной для отечественной духовной школы. При этом аргументы профессоров в защиту этой модели на Соборе 1917 г. были более убедительны, чем раньше, ибо перед глазами был довольно печальный опыт Устава 1910–1911 гг.

Как кажется, отсутствие киевских профессоров на последующих сессиях Поместного Собора полностью выключило их из обсуждения вопросов собственно учебной и научной частей Нормального Устава. Однако это не совсем так. Конечно, КДА с начала 1918 г. оказалась в особом положении и продолжила свою деятельность по собственному временному Уставу. Однако парадоксальным образом соборная дискуссия о высшей духовной школе была перенесена в жизнь: Устав составляли киевские соборяне (В. П. Рыбинский, П. П. Кудрявцев), а также единомысленный с ними И. П. Четвериков, а митрополитом Киевским в мае 1918 г. был избран преосвященный Антоний (Храповицкий). Понятно, что экстремальная обстановка повысила значение подготовки в стенах академии пастырей, поэтому в Уставах КДА 1918 г. и возрожденной Киевской богословской академии 1920 г. именно пастырская задача, а не научная, постепенно выходила на первый план. Но эти Уставы уже были рассмотрены киевскими исследователями, поэтому не требуют дополнительного внимания ¹.

Однако следует отметить, что киевские профессора успели оперативно применить проект Нормального устава, в составлении которого они активно участвовали, к местным условиям. В мае 1918 г. при новом

¹ *Стародуб А. В.* Статут Київської Православної Богословської Академії (1920–1924) // Труды КДА. – 2010. – № 12. – С. 253–258.

украинском Киево-Подольском университете был основан первый на Украине теологический факультет. Министр исповедания Украинской державы В. В. Зеньковский обратился в Совет КДА с просьбой о содействии, и в июне в Комиссию по решению вопросов об открытии украинских университетов и основании при них богословских факультетов были выделены уже многократно упоминаемые профессора В. П. Рыбинский, П. П. Кудрявцев и В. Д. Попов¹. Этими лицами – вполне компетентными в принципах Нормального устава – был разработан учебный план Каменец-Подольского теологического факультета². Анализ этого плана показывает, что за основу был взят проект Нормального устава. Так, практически повторен состав общеобязательного базового богословского образования: источники любого богословского ведения – Священное Писание Ветхого и Нового Завета и патрология; собственно богословское образование: догматическое богословие, христианская этика, церковное право, история древней и Русской Церкви и православного богослужения; необходимые орудия богословских исследований: логика, психология и древние языки. Была сохранена и специализация по пяти отделениям, подробно обсуждавшаяся на Соборе: библейскому, богословско-философскому, церковно-историческому, богословско-словесному и церковно-практическому. Большое внимание в киевском проекте, как и в документах Собора, было обращено на включение в учебный план спецкурсов и практических занятий.

Но были в проекте Устава богословского факультета для украинских университетов и две особенности, отличавшие его от соборного проекта: включение в учебный план апологетики христианства во всех видах³ и специальных дисциплин, учитывающих украинскую специфику⁴. Кроме того, были использованы плюсы университетского варианта богословия – прежде всего, взаимодействие факультетов: гражданскую историю и философию студенты-теологи должны были слушать на историко-филологическом факультете⁵, правовые дисциплины – на юридическом⁶.

¹ ЦДАУК. – Ф. 711. – Оп. 3. – Спр. 3998 (1918 г.). – Арк. 1–2 зв.

² Там же. – Арк. 14–17 зв.

³ Апологетика откровенной религии: 1) апологетика откровения и христианства с разбором мнений о сущности и происхождении христианства, 2) апологетика Библии и ее учения, 3) апологетическое изложение православного христианского вероучения (Там же. – Арк. 9 зв. – 10).

⁴ Истории Украинской Церкви и Украины, источниковедения и историографии украинской церковной истории, истории украинской литературы и языка, западно-русского (украинского) права (Там же. – Арк. 14–17 зв.)

⁵ Историю древнего Востока для библейского отделения; историю философии для богословско-философского отделения; историю Греции, Рима, Византии, средних и новых веков для церковно-исторического отделения; введение в языкознание, древний церковнославянский язык, славяно-русская палеографию, славяноведение, методологию и историю литературы для богословско-словесного отделения (Там же).

⁶ Государственное право, западно-русское (украинское) право, энциклопедию права на церковно-историческом и церковно-практическом отделениях (Там же).

Таким образом, именно корпорации КДА удалось так или иначе использовать идеи Нормального устава, причем еще до завершения соборных обсуждений – летом 1918 г.

Участие профессоров КДА во втором Отделе – о духовно-учебных заведениях – было более скромным. Основной задачей этого Отдела было обсуждение проектов преобразования системы средних и низших духовных школ и женских епархиальных училищ, составленных весной-летом 1917 г. Учебной комиссией и отредактированных Десятым Отделом Предсоборного Совета. Ключевой проблемой, определявшей проекты мужского духовного образования и дискуссии Отдела, был вопрос о разведении или сохранении единства общего и пастырского образования. Этот вопрос также имел богатую историю – от 1860-х гг. до указанных выше дискуссий начала XX в. – и жесткую оппозицию во мнениях.

Ключевой фигурой в работе этого соборного Отдела был протоиерей Константин Агтеев, избранный заместителем председателя Отдела¹. Именно он инициировал обсуждения в заседаниях Отдела, представлял редактируемые проекты на пленарных заседаниях Собора, а при необходимости – и в других Отделах (в том же Отделе о духовных академиях). Но, хотя он был выпускником КДА, в 1917–1918 гг. ее представителем уже считаться вряд ли мог. Из киевских же профессоров в этот Отдел о духовно-учебных заведениях записался только П. П. Кудрявцев. Он успел выступить на 4-м заседании Отдела 10 сентября 1917 г. с докладом по ключевому вопросу – о типе средней школы, находящейся в ведении Церкви². В целом поддерживая проекты, составленные Учебной комиссией (преобразование четырех младших классов духовных семинарий в христианские гуманитарные гимназии, а двух старших – в пастырско-богословские школы или богословские институты), П. П. Кудрявцев выдвигал дополнительные тезисы, вызвавшие бурное обсуждение. Так, он предлагал свой вариант учебного плана христианской гимназии, в котором все гуманитарные дисциплины должны быть нацелены на выявление религиозной жизни в различные эпохи и у различных народов, и на выработку идеалистического мирозерцания, но без ущерба для научной точности. В христианском воспитании он считал важным отказ от поощрения честолюбия, от особого внимания к талантам, ибо их распределение зависит от Бога; настаивал на обязательности совершения в христианской гимназии утренних и вечерних молитв, но ни в коем случае не на принуждении к ним каждого учащегося. Но наиболее пререкаемым стал тезис П. П. Кудрявцева о ненужности в богословских классах какой-либо специальной пастырской подготовки и пастырского воспитания, ибо «пастырей готовит не столько школа, сколько сама жизнь»³. Школа

¹ ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 386. – Л. 1–1 об.

² Там же. – Л. 24–30 об.

³ Там же.

может дать только богословские знания, техническая сторона пастырского делания осваивается на практике, желание же школьным путем «зажечь огонь пастырского горения», «священного огня ревности о спасении человеческих душ»¹ выливается в трескучие фразы и лицемерие. Ну и, разумеется, П. П. Кудрявцев настаивал на тщательном подборе преподавательской корпорации для этих школ, ориентированном не на духовный сан и, тем паче, не на ученое монашество (любые привилегии последнего были губительны и для духовной школы, и для самого монашества), а исключительно на квалификацию и здоровый христианский настрой².

Таким образом, в работе соборных духовно-учебных отделов, как и всего Собора, можно выделить три наиболее важных составляющих, из которых исходили и профессора КДА: опыт духовных школ, накопленный за 300 лет; влияние западных идей, еще не учтенных или недостаточно плодотворно использованных российской духовно-учебной системой; попытку ответить на запросы современной церковной ситуации. Следует отметить, что киевляне чувствовали наибольшую ответственность за плодотворное использование всех этих составляющих – по крайней мере, двух первых: традиция Киевской школы была наиболее древней, да и опыт заимствования западных учебных моделей и полемики с западными богословскими идеями она накопила наиболее значимый.

Большая часть идей, высказанных в заседаниях Собора, не могла быть своевременно проверена на практике, да и вопросов было поставлено гораздо больше, чем дано ответов. Однако, как представляется, ценность имеют и сами идеи – даже высказанные в нереализованных проектах, спорные, неоднозначные – и их обсуждение. Многие из этих идей имеют не только историческую ценность, но оказываются вполне современными, нерешенными, дискутируемыми и особенно актуальными в нынешние дни поиска новых образовательных моделей и их очень непростой адаптации к отечественным традициям и реалиям.

¹ ГАРФ. – Ф. Р-3431. – Оп. 1. – Д. 386. – Л. 26 об.

² Там же. – Л. 29–30.